

Метаморфозы сна и изнанка технофобии

ДМИТРИЙ
СКОРОДУМОВ

24/7. Поздний капитализм и цели сна

ДЖОНАТАН КРЭРИ

М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021. – 136 с.

Современное общество пронизано множеством невидимых механизмов эксплуатации человека. Критическая теория занимается их обнаружением и разоблачением, она также предупреждает нас о возможности возникновения новых, еще более изощренных способов угнетения личности. Критическая философия помогает людям открыть глаза и пробудиться ото сна, от кошмара, в котором они существуют, принимая собственное рабство за само собой разумеющееся положение дел. Ирония в том, что сама метафора *пробуждения*, сам просвещенческий пафос *бодрствования* и осознанности, погруженности и включенности во все окружающие процессы, непрерывно протекающие вокруг индивида, – все это оказывается еще одной стороной угнетения, которую и исследует в своей книге Джонатан Крэри.

Небольшая книга представляет собой переработанные лекции, которые Крэри прочитал в свое время в Музее современного искусства Барселоны. Автора интересует проблема вторжения ритмов современного рынка, работающего в режиме 24/7, в область повседневной человеческой жизни, в самые личные и интимные ее сферы. Мир экономики уже давно работает круглосуточно: предприятие не может терпеть убытки из-за простаивающего оборудования, поэтому сотрудник вынужден приспособливаться к ночным сменам. В интересах рынка не только превратить человека в не знающего усталости работника, но и приучить его к непрерывному потреблению, а еще лучше – совместить работу и потребление в одной форме круглосуточной активности.

Джонатан Крэри изучает различные способы, которые использует мировой рынок для включения человека в этот нечеловеческий ритм. Экспансия в мир сна происходит в разных областях: в науке и технике, в медиа, в философии. С помощью современной науки и передовых технологий человека пытаются избавить от сна, сделать постоянно бодрствующим «солдатом капитализма», приносящим круглосуточную прибыль.

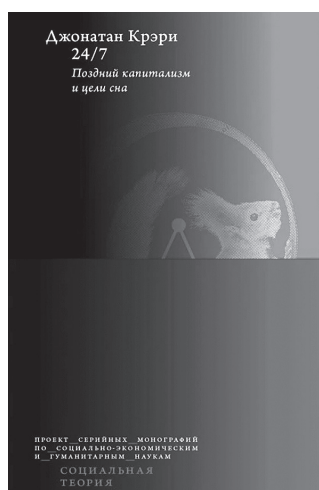
Дмитрий Анатольевич
Скородумов (р. 1989) –
философ, сотрудник
кафедры социально-
гуманитарных наук
Приволжского исследо-
вательского медицин-
ского университета.

Мир новых медиа также озабочен ловлей человеческого внимания. Крэри в этом плане особенно интересуют телевидение, революционно изменившее способы видения мира. Похожими свойствами обладают также интернет, смартфоны и социальные сети, проецирующие состояние телевизионного транса в любое время и в любом месте. Атака на сон происходит и на философско-теоретическом уровне: сон представляется рудиментом или всего лишь опциональным дополнением к человеческой жизни, ее недоработкой, которую можно исправить или оптимизировать.

КАРТА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ

Рассматриваемая тема представляется необъятно широкой: на 130 страницах своей книги автору удается лишь кратко указать на основные теоретические проблемы, связанные с новым режимом работы и отдыха, и привести некоторые примеры из практики капиталистической экспроприации сна. Крэри не проводит исчерпывающий анализ – материал подается эклектично, напоминая тот самый непрерывный хаотичный информационный поток, который сам автор критикует. Книга поделена на четыре безымянных и сложно отделимых друг от друга по смыслу главы. В каждой из них приводятся разнообразные факты и осуществляются разборы проблематики сна с той или иной стороны; все это оставляет ощущение эклектичности, с одной стороны, и недосказанности – с другой.

Крэри начинает книгу с упоминания о военных исследованиях некоторых видов перелетных птиц, способных обходиться долгое время без сна. Цель экспериментов – усовершенствование человека: сначала для выполнения боевых задач, требующих долгого бодрствования, а затем и для мирных экономических процессов. Автор пишет о проектах запуска на орбиту спутников, которые при помощи специальных зеркал отражали бы ночью солнечный свет и посылали его на Землю, чтобы освещать города, экономя электричество. В тексте упоминаются разнообразные попытки лишения сна, практиковавшиеся в США и Советском Союзе. Все эти события используются для иллюстрации связи развития капитализма с трансформацией границ сна, изменением отношения ко сну и бодрствованию. Джонатан Крэри называет режим 24/7 «триумфом глобальной элиты», «зоной нечувствительности» (с. 24), «безмирностью» (с. 26). Ритм непрерывного бодрствования описывается – с опорой на Мориса Бланшо – как «катастрофа и ее последствия» (с. 24). Тут же автор обращается к Джорджо Агамбену, и непрерывная длительность превращается в «чрезвычайное положение»

(с. 25). В следующем предложении говорится (со ссылкой на Карла Маркса) о «постоянно открытом торговом центре», а затем о «расколдованном мире» (с. 27). Большое разнообразие мыслей и концепций сконцентрировано буквально в одном абзаце. Это делает речь Джонатана Крэри похожей скорее на ницшеанскую поэтическую философию, призванную захватить воображение своей формой и стилем, чем на научный анализ.

Вторую главу открывает тезис о разрушении самого времени режимом непрерывного бодрствования. В основании времени лежит цикличность, переходы от дня к ночи, от труда к празднику – в ритме же непрерывной работы все различия стираются. Режим 24/7 не просто уничтожает ночь, но и лишает смысла день. Этот режим, с точки зрения Крэри, приводит к тому, что сам субъект, непрерывно аффицируемый внешними раздражителями (рекламой, развлечениями, работой), окружается плотными механизмами контроля – начиная от специальных военных систем сбора данных и заканчивая экраном смартфона. Свободный субъект как источник спонтанной активности становится ненужным миру, где все решают за него. Контроль над субъектом устанавливается через «колонилизацию индивидуального опыта» – навязчивый аудиовизуальный контент, который буквально «похищает» внимание, заставляя переходить от одного дела к другому. Человек теряет уверенность в себе и своих силах еще и из-за того, что никогда не может поспеть за постоянно развивающимися технологиями, полностью разобраться в них. Каждое новое техническое устройство все больше встраивает человека в непрерывный режим 24/7. Здесь можно возразить вместе с Ником Ландом: одновременно с изменением техники меняется не только режим человеческого активности, но и сам капитализм, сами понятия «контроля» и «свободы» – все это «расплавляется» и переходит в новые формы¹. Субъект меняется: он становится более подвижным, начинает пропускать через себя и быстро обрабатывать большие пласты разнообразной информации, что позволяет ему обходить, взламывать и преодолевать как сложившиеся системы контроля, так и сам привычный социальный порядок, выходя к чему-то более новому и живому.

В начале третьей главы автор обращается к картине Джозефа Райта «Хлопковые фабрики Аркрайта ночью», написанной в 1782 году. Новизна этих фабрик заключается не в энергии пара, поставленной на службу человеку, а в переизобретении рабочего времени – в идее безостановочных производственных операций (с. 69). Мировой капитализм раскрывается через идею непрекращающейся текучести экономического об-

¹ Ланд Н. *Киберготика*. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 173–190.

мена: в условиях развитого рынка товар и деньги мыслятся как непрерывные потоки, а не дискретные события. А дисциплинарная власть реализуется не на уровне отдельных институтов (фабрика, тюрьма, армия), а повсеместно в обществе:

«Механизмы управления и эффекты нормализации безостановочно проникают почти повсюду, и сегодня они интернализированы на уровне микрологики более всеобъемлюще, чем дисциплинарная власть в XIX и большей части XX века» (с. 78).

Тут Джонатан Крэри обращается к идее общества контроля, принадлежащей Жюлю Делёзу². Механизмы непрерывного контроля захватывают поле повседневности – место, считающееся недоступным для «работы, конформизма, потребительства». Захват анонимной повседневности начинается вместе с распространением персональных компьютеров, взаимодействуя с которыми, люди добровольно выполняют каждодневную работу по самоанкетированию, сбору данных на самих себя.

Одни из самых интересных страниц книги – анализ опыта просмотра телевидения. Для Крэри это первый и ключевой шаг становления режима 24/7. Телевидение размывает границу между грезой и активностью, между социальным действием и пребыванием в гипнотическом трансе. Телевизионный сеанс, с одной стороны, заставляет человека долгое время сидеть без движения, не выходя из дома и ни с кем не беседуя, а с другой стороны, погружает воображение в мир удивительных приключений, предоставляя богатейший визуальный опыт.

В четвертой главе исследуется роль сновидения в культуре позднего капитализма. Основная идея – отождествление сна с товаром:

«В популярных представлениях сны превратились в нечто вроде мультимедийного программного обеспечения или своего рода контента, к которому, в принципе, может быть получен инструментальный доступ» (с. 104).

Так как сновидения – это товар, то теоретически их можно записывать, накапливать, продавать, заказывать или вовсе отменить, если они перестанут удовлетворять потребителя. Крэри критикует консьюмеристский подход ко сну и приводит собственные определения и характеристики сна. Во-первых, сон – это момент, когда личность отдается заботе других людей, охраняющих ее покой, укрепляя тем самым сеть социальных взаимоотношений. Во-вторых, сон – это опыт деперсонализации, периодическое «распутывание рыхлого клубка мелких субъективностей» (с. 132). В-третьих, сон – это пауза, освобож-

2 Делёз Ж. *Post scriptum к обществам контроля* // Он же. *Переговоры*. СПб.: Наука, 2004. С. 226–235.

дающая человека от ритма непрерывного производства и потребления. В-четвертых, неотделимое ото сна время «лежания без сна в квазитемноте», – это момент созерцания и размышления ни о чем и обо всем, «время восстановления перцептивных способностей» (с. 133). Наконец, сон – это первый шаг к новому посткапиталистическому будущему, которое должно прийти из грез. Последнее замечание – одно из самых странных мест книги. Сон осмысливается как разрыв, через который в мир сможет проникнуть новый порядок:

«Возможно, что во многих разных местах и многих не похожих друг на друга состояниях, включая грезы или дрему, подобные мечтания о будущем без капитализма начнутся как сны» (с. 135).

К сожалению, автором не раскрываются подробности того, как это может произойти. Остается только пофантазировать, как однажды все сны начинают меняться – становятся яркими и необычными. Человечество начинает видеть по ночам новую жизнь и ни на что не похожую красоту, захватывающую и манящую. Люди выходят на улицы, покидают свои дома и квартиры, чтобы делиться друг с другом переживаниями. С удивлением обнаруживается, что все захвачены желанием нового как внезапно обрушившейся стихией.

В интересах рынка не только превратить человека в не знающего усталости работника, но и приучить его к непрерывному потреблению, а еще лучше – совместить работу и потребление в одной форме круглосуточной активности.

Сон и бессознательное

Психоаналитическому контексту автор уделяет буквально пару страниц. Он пишет только о Зигмунде Фрейте, не упоминая, к примеру, Жака Лакана, столь важного для современной критической теории. Джонатан Крэри утверждает, что «важнейшее событие в процессе обесценивания сновидений произошло в последний год XIX века, когда Фрейд завершил “Толкование сновидений”» (с. 114). Зигмунд Фрейд обесценил сновидения тем, что свел их к «отгороженной арене примитивной иррациональности». Это довольно спорное утверждение, учитывая, что бессознательное не иррациональность в чистом виде, не область слепых инстинктов – а напротив, своего рода разум, мыслящий и порождающий высказывания. Различные «симпто-

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
МЕТАМОРФОЗЫ СНА
И ИЗНАНКА ТЕХНОФОБИИ

мы» – оговорки, автоматизмы, забывчивость, сны – являются сообщениями бессознательного, которые при должном усердии можно понять и истолковать. Нечто способное к человеческому осмыслению и вербальному выражению (тем более таким сложным и зашифрованным образом) трудно назвать иррациональным. Недаром Жак Лакан тесно связывал бессознательное с человеческим языком³.

Джонатан Крэри заявляет, что понимание сновидения как искаженного осуществления желания является вредным трюизмом, усвоенным западной культурой (с. 114). В этом утверждении прослеживается желание преодолеть теорию Фрейда, назвав ее банальной и недостаточно пронизательной. Разумеется, таким образом никакое теоретическое преодоление невозможно, поскольку так проблема лишь отодвигается в сторону: забывается и «вытесняется в бессознательное». Жалоба на то, что западная культура усваивает искаженные теоретические представления, сама является «симптомом». Она намекает на опасную позицию «супергероя», к которой всегда может приблизиться критическая философия. Если философ ее занимает, то он начинает говорить определенным образом: главным в речи становится жалоба на современный порядок вещей, сопровождающаяся отсутствием попыток к его реальному преодолению. Часто, когда субъект жалуется на что-то, он наслаждается этим – в глубине души его устраивает сложившийся порядок. Если ситуация изменится, то никакого удовольствия больше не будет. Действительно, когда на кухне люди ругают власть, то само это «праведное» возмущение и является конечной целью всех разговоров, которые не приведут ни к каким изменениям. Изменить что-то может только глубокое осмысление ситуации – теоретическая работа, заключающаяся не в отбрасывании «трюизмов», а в их продумывании, усложнении и деконструкции. Джон Капуто называет эту работу «раскалыванием орешков»⁴: когда мы берем какую-то мысль, которая всем кажется простой и само собой разумеющейся, и находим в ней что-то неочевидное и удивительное – не просто противоположные смыслы, но вообще нечто совершенно иное. Жалостный тон не способствует теоретическому прорыву, изменению способа видения; не помогает он и разработке конкретных практических шагов к преодолению сложившейся ситуации. Ни первого, ни второго работа Джонатана Крэри предложить не может – но она и служит другим целям. Во-первых, книга указывает на важную проблему «экспроприации» сна; во-вторых, является неплохим справочником, дающим широкий спектр примеров вторжения

3 ЛАКАН Ж. *Инстанция буквы, или Судьба разума после Фрейда*. М.: Русское феноменологическое общество; Логос, 1997. С. 83.

4 САПУТО J. *Deconstruction in a Nutshell*. New York, 1997.

ПРОБУЖДЕНИЕ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПЕЛЛЯЦИЯ

Интересен парадокс метафоры пробуждения, о котором идет речь в первой главе. Политические деятели в агитационном запале часто говорят о необходимости открыть глаза, пробудиться от апатичной дремы, чтобы разорвать цепи рабства. Но об этом же говорили и нацисты в лозунге «Германия, проснись!». Призыв к пробуждению является, с одной стороны, воззванием свободы, а с другой, – идеологической интерпелляцией, превращающей человека в марионетку политической борьбы. Именно в этом контексте можно рассматривать фильм «Матрица», переворачивая его смысл. В мире далекого будущего человеческие тела, подключенные к системам жизнеобеспечения, спят в коконах, в то время как их сознание вечно пребывает в симуляционной реальности, похожей на обыденную жизнь. Как и все люди, главный герой Нео не подозревает, что все видимое является иллюзией, до тех пор, пока не встречает Морфеуса – предводителя банды повстанцев, пробудившихся от цифрового сна. Морфеус задействует все хитрости и уловки из арсенала профессиональных сектантов, чтобы убедить Нео в том, что окружающий мир является иллюзией, а повседневная жизнь – прописанным извне сценарием. В конечном счете, Морфеус преуспевает в своей цели, и главный герой пробуждается к новой жизни. Разум Нео отключают от матрицы, и он оказывается в подлинном мире, наполненном враждебными машинами, плохой едой и испорченной экологией. В этом мире отсутствует солнечный свет, зато есть необходимость постоянно прятаться и ютиться в подполье. Дело даже не в том, что настоящий мир оказывается кошмаром, в отличие от сладких грез симуляции. Сама метафора пробуждения содержит в себе холод утра и предвкушение тяжелой работы и преодоления трудностей – политические агитаторы могут даже делать на этом акцент, так как идея *борьбы* за свободу внушает энтузиазм. Вот только в фильме встречаются многочисленные маркеры, указывающие на неоднозначность событий. Само имя Морфеус намекает не на пробуждение, а на погружение в еще более глубокий сон. Нео обманули дважды: первый раз, когда погрузили в матрицу, а второй, когда выдернули из нее. На деле «настоящая» реальность есть лишь еще одна подпрограмма матрицы – спланированная «ошибка», которая делает систему прочнее.

Джонатан Крэри обращает внимание на то, что сон – «самое податливое для политиков состояние». Со «спящим» человеком, который не интересуется политикой, можно делать все что угодно. Но одновременно спящий человек недоступен политике, так как он не думает о ней. Он не отдается этой деятельности добровольно, не дарит политической борьбе свою активность. И хотя политические манипуляторы могут заполучить тело такого человека, они не попадут в его воображение и разум. Человек может оставить себе свой сон, субъективный мир, свою пассивность, может спрятаться так, как это происходит в фильме Терри Гиллиама «Бразилия». Главный герой этой киноленты попадает к палачам, готовым пытать его до смерти. Внезапно ситуация меняется – в камеру к герою проникают повстанцы, вместе с которыми он убегает из мрачного города на свободу. Но этот побег оказывается психотическим ускользанием. В заключительных кадрах фильма мы видим те же самые пыточные казематы, остекленевший взгляд и улыбку героя, привязанного к жуткому креслу, и разочарованного палача. Оказывается, заключенный сбежал в мир своего воображения – ушел от жестокой невыносимой реальности. В этом случае человек сохраняет за собой свое личное сновидение, свой бред, свою грезу. Эта «утопия» становится местом, где спасается сам человек, где он укрывается от невыносимой реальности. При этом воображаемый мир является проявлением активности субъекта, создается им, в отличие от сюжета «Матрицы», где даже грезы изготавливаются и прописываются заранее. В этом случае человек остается реактивным, теряет себя, так как реагирует на заранее продуманные для него драматические ситуации, которым полностью доверяет.

РЕЖИМ РАБОТЫ В ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ОПТИКЕ

Проблему, исследуемую Джонатаном Крэри, можно транспонировать в область онтологии двояко: во-первых, как противоречие между дискретным и непрерывным; во-вторых, – между открытым и несокрытым. Чтобы лучше понять основные мотивы книги, необходимо рассмотреть эти конфликты подробнее, так как они «управляют» всем текстом. Именно в терминах непрерывности описывается режим 24/7. Понятия дня и ночи, работы и отдыха, действия и бездействия теряют свою значимость, ликвидируется любое чередование и ритм. Крэри предлагает понимать этот режим не просто как однородную длительность, но и как «отключение времени» (с. 64), так как время – это чередование, «тик-так». Подобный режим удачно описывается категорией непрерывности, которая пришла в философию из

математики и, по мнению Павла Флоренского, стала «цементирующей идеей» человеческого мировидения в XX веке, соединившей «все материалы в один исполинский монолит»⁵. Непрерывность – центральная идея дифференциального исчисления, имеющего широкое практическое применение. Только непрерывные функции дифференцируемы – следовательно, все, что описывается непрерывными функциями, может быть математически спрогнозировано и просчитано. Неудивительно, по мнению Флоренского, что именно идея непрерывности, распространившись из математики на многие другие области, вытеснила идею дискретности⁶. Если в функции есть разрыв, то ее поведение становится непредсказуемым. Разрыв – это момент иного существования, недоступного прогнозированию, это место, где может произойти все что угодно. На идее непрерывности основана, к примеру, теория эволюции Чарльза Дарвина, по которой развитие происходит с помощью последовательных мелких приращений. В то время как в природе повсеместно присутствует разрывность, необъяснимые прыжки, являющиеся проявлением самостоятельности и индивидуальности, дискретность связывается со свободой; ведь место разрыва функции – это и есть то место, где возможно любое ее поведение, где ничего нельзя знать заранее. Но с подобной свободой приходит и страх. На неопределенности не могут основываться современные рыночные технологии. По замечанию Джонатана Крэри, мировой рынок работает не в режиме случайных дискретных транзакций, а в непрерывном потоке обменов: «Если обращение выступает как жизненно важное для капитала явление, то оно является таковым в силу “устойчивой непрерывности процесса”» (с. 72). Детерминированная темпоральность 24/7 – это фундамент работы капитализма.

Разрыв непрерывной ткани – место, где невозможен прогноз, где не работает исчисление и законы рынка, – также можно рассмотреть через понятие *сокрытости*, введенное Мартином Хайдеггером. В статье «О сущности истины» немецкий философ пишет о свободе, которая делает возможной истинность⁷. Свободная открытость позволяет вещам явиться, развернуться перед человеком и говорить о себе. Обратной стороной открытого просвета является сокрытость – непроницаемая таинственность природы, рождающей из себя весь мир. Действительно, свободное раскрытие вещей в их непредсказуемости и

5 Подробнее эта тема разобрана в книге: Грэхэм Л., Кантор Ж.-М. *Имена бесконечности: правдивая история о религиозном мистицизме и математическом творчестве*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

6 Флоренский П.А. *Введение к диссертации «Идея прерывности как элемент мирозерцания»* // Историко-математические исследования. 1986. № 30. С. 159–176.

7 Хайдеггер М. *О сущности истины* // Он же. *Разговор на проселочной дороге*. М.: Высшая школа, 1991. С. 8–27.

многообразии возможно, только если они скрыты до этого в неопределенности. Загадочность природы, с точки зрения Мартина Хайдеггера, совершенно упускается исчисляющим мышлением, для которого окружающий мир – лишь ресурсная база, ждущая освоения. Внимание немецкого философа к природе и настороженность к исчислению не превращаются, однако, в паническое настроение и технофобию. Технику не надо бояться или восхвалять – подобный настрой оборачивается еще бóльшим запутыванием сути дела. Современную технику нужно философски осмысливать, подходить к ней с поэтическим отстранением и творческим воображением – только так можно продвинуться вперед и не упустить суть происходящего. Истина ситуации заключается в том, что господство исчисления (а вместе с этим режима непрерывного бодрствования) – это судьба человечества. История не случайна: не просто так капитализм и техника повсеместно распространились в мире – это следствие развития мышления. Дальнейшее историческое движение возможно только через продумывание ситуации, а не через попытки отказа от разрушающих мир моделей роста и расширения.

Со «спящим» человеком, который не интересуется политикой, можно делать все что угодно. Но одновременно спящий человек недоступен политике, так как он не думает о ней.

В тексте книги «24/7» чувствуется беспокойность технологическими переменами и желание предупредить социальный катаклизм, вызванный хищническим освоением сна. К сожалению, автор избегает приближаться к тайне сокрытости: он уделяет мало внимания дискретности, миру разрывов и природе, на стороне которой пытается играть. Полная сконцентрированность на катастрофичности, гипнотическая зачарованность ею приводят к тому, что упускается масса интересных вещей: в частности, Крэри не пытается вообразить иное будущее, которое могло бы стать альтернативой царству «великого полдня» и бесконечной активности. Нам не дается никаких ясных ориентиров, как можно противостоять опустошительной силе планетарного капитализма и превращению сна в товар – только несколько темных и смутных намеков. Хотя в конце книги Крэри вкратце пишет, что «нужен поворот в сознании» и «новое видение реальности» (с. 125), основанное на принципах коллективного действия, общих целей и интересов, – но это общая и известная критика неолиберализма.

В целом текст книги представляет собой однотонное паранойяльное полотно, в котором господствует единое настроение – настроение страха, повторяющееся и поворачивающееся к нам все новыми и новыми гранями от страницы к странице. Здесь можно встретить интересные исторические случаи и наблюдения, касающиеся нюансов влияния современной техники на восприятие и мышление человека. Но автор подробно не останавливается ни на одном из них – он спешит привести все новые и новые факты, которые должны нас убедить в бесчеловечности машины капиталистического производства. Различные факты и понятия идут друг за другом *непрерывной* чередой, как на конвейере. Все они ясно и отчетливо видны, но эта отчетливость деталей оставляет читателя в растерянности: не совсем понятно, что со всем этим делать и как «подключиться» к этому тексту. Тон Джонатана Крэри оказывается слишком тревожным и мобилизованным, «выдернутым» из тех самых сновидений и грез, которые автор пытается защищать.

ДМИТРИЙ СКОРОДУМОВ
МЕТАМОРФОЗЫ СНА
И ИЗНАНКА ТЕХНОФОБИИ